

«Жизнь в Антропшино в первые годы войны»

(часть вторая)

Лидия Александровна Бакунович
поделилась с нашим автором Сергеем
Владимировичем Богдановым своими
воспоминаниями о военном детстве.

Первую часть воспоминаний
читайте в газете «Комм-инфо»
№10 от 27 марта 2020 г

6 октября 1943 года староста и полицаи выгнали нас из дома в Антропшино и погнали на станцию. Всех жителей деревни, которым повезло не умереть или от голода, или от немецкой пули, погрузили в товарные вагоны и повезли неведома куда.

На большой станция Салдес нас выгрузили из вагонов прямо в канаву. Здесь нас ждали первые «покупатели рабов», местные владельцы хуторов. Быстро забирали сильных, способных к тяжёлой работе наших земляков.

Наша семья, с кучей маленьких детей, никому не была нужна была. И только поздно вечером нашёлся и для нас хозяин по фамилии Грислис. Хозяйство у него было большое. Земля, много скотины и птицы. Поселил нас хозяин в маленькую комнатку, где готовили еду для скота. Спали на полу, на соломе. Бабушка готовила на этой плите еду для скота, перепало что-то и нам.

Мы пасли днём коров, а ночью выгоняли на луг лошадей. Кормили нас один раз в день. Картошка, бобы и сало были на столе. По выходным дням к столу давали вкусный хлеб своей выпечки. Так и прожили мы на хуторе целый год, до октября 1944 года. Это был самый спокойный и сытый год за всю войну.

А потом проклятая война напомнила о себе. Немцы стали всех трудоспособных рабов забирать у хозяев и отправлять на строительство оборонительных сооружений. Наши наступали. Сначала забрали маму, а затем пришли и за бабушкой. Остались мы на хуторе одни. Работники из нас никакие, просто так кормить хозяин нас не захотел. Собрал нам в дорогу еду на сутки, и поутру свёз на телеге на станцию. Народу там было уже много, в основном дети. Просидели под открытым небом едва не целую неделю, ели корни осоки. Её вытащишь из земли, корень очистишь и ешь. Он мягкий и сладкий.

Вера, а ей в ту пору уже исполнилась 13 лет, решила на попутной телеге вернуться на хутор, и попросить у хозяина еду. Так она и сделала. Добралась до хутора, а там уже была и бабушка, которую немцы отпустили со строительства. Вот вместе они и поехали за нами на станцию Салдес. Но нас там уже не было. Не успевала уехать Верочка, как нам всем приказали грузиться на открытые платформы и привезли в город Лиепая, на берег Балтийского моря. С нами на платформе ехала учительница Покровской школы Кузьмина Александра Фёдоровна. Она умерла на второй день после освобождения, в Лиепеае. Наверное, благодаря ей мы и не умерли от страха, когда нас везли на открытой платформе.

В большой ангар, куда нас всех загнали, пришёл какой-то важный немец. Он что-то кричал, махал руками. Оказалось, он ждал рабочую силу, а ему привезли детей. Не знаю почему, но нас оставили в живых и перевели в какой-то барак. Мы сидели втроём на одних нарах, и уже даже не плакали.

И снова нас спасла наша любимая бабушка. Взяв у хозяина еду, бабушка и Вера вернулись на станцию, как-то узнали, куда ушёл эшелон с детьми. Забрались под брезент, которым были закрыты пушки, немцы их перевозили в Лиепая, и так добрались до нашего барака. Барак никто не охранял, нас оставили умирать голодной смертью. Какое это было счастье, снова увидеть родных людей. И еда, что привезла бабушка, была очень кстати.

До мамы тоже дошли слухи, что всех детей невольников немцы вывезли в Лиепая, и держат в одном бараке. Мама отпросилась на хутор, якобы за тёплой одеждой, собрала там какие-то наши вещи, и поехала искать нас. Хозяин передал для нас хлеб. Вот с этим хлебом мама и добралась до нашего барака, вся семья снова была вместе. Мама рассказывала, что когда нашла нас, вши у нас на головах сидели ковром. И ведь что удивительно, никакая зараза не прицепилась к нам.

Немецкому коменданту нужны были рабочие руки, и маму оставили в Лиепеае. В городе организовали лагерь, куда собирали всех невольников с округи. Многие родители нашли своих детей именно здесь. Два деревянных дома с длинными коридорами, по обе стороны которых были маленькие комнатухи. В каждую набивалось по 10-12 человек. Лагерь охранялся солдатами, но днём можно было свободно выходить.

Лагерь находился на пересечении двух улиц. Сиротской и Господской. На Сиротской была церковь, прихожане которой давали нам что-то из одежды. Все любили Раечку, ей было 4 годика, она так усердно молилась, что её всегда угощали. Но к 5 часам мы все обязательно должны были быть в лагере.

Пришла зима 1945 года, наступили холода. У хозяина на хуторе можно было хоть соломой утеплиться, а здесь не было и этого. Кормили нас баландой один раз в день. Если встанешь в очередь пораньше, получишь баланду погуще. Баланды было мало, и последние получали её уже разбавленную водой.

И снова обстрелы и бомбёжка. Налетят самолёты, развезят фонари, всё видно, как днём, и бомбят. Дома рушатся. Бабушка выгоняла нас всех на улицу, и мы все начинали молиться. Просили Бога вернуть домой и нас, и папу. Молили, чтобы скорей закончилась война. Вера работала на немецком аэродроме, они делали фанерные макеты самолётов. Там работали и наши пленные. Один из них сказал Вере, что ни одна бомба на наши бараки не упадёт. Так и случилось. Всё больше домов превращалось в руины, а наш лагерь был цел.

Немцы бежали. В порту грузили на баржи технику, солдат и наших невольников. Надеялись прикрыться несчастными людьми как щитом. Но гибли все. Готовили к отправке в Германию и нас. В марте 1945 года нас переодели в чистую и красивую одежду, сфотографировали. И вскоре выдали немецкие паспорта, приказав держать их при себе, и быть готовыми к отъезду. Но наши самолёты к тому времени так разбили порт, что эвакуация стала невозможной.

Вечером 8 мая исчезла охрана лагеря, мы вышли на площадь. Народу там собралось много, все молчали, не понимая, что происходит. Раздался лязг гусениц и на площадь выехал наш советский танк. Из люка показался танкист, потряс зажатой в руке винтовкой, и прокричал: «Победа!». А люди просто плакали.

Мы выжили. Перетерпели голод и холод. Перенесли оскорбления и унижения. Сумели сохранить семью, и вот теперь, в большом пульмановском вагоне возвращались на Родину. Возвращались такими счастливыми людьми, какими уже никогда в жизни не будем.

Знали, что дома нас ждёт тот же голод, та же нищета. Да и дома нашего давно уже нет, это мы тоже понимали, А всё равно были счастливы. Счастливы потому, что возвращались живыми из ада.

И уже в конце июня мы вышли из вагона на разбитой войной станции Антропшино. Отец погиб, на месте дома — руины. У мамы на руках трое детей, и впереди неизвестность. Бабушка сразу пошла работать в колхоз, где и до войны трудилась. Директор фабрики «Комсомолец» Куралёв взял маму на работы по восстановлению фабрики. Женщины разбирали завалы. Взял, попутно отругав, что не пришла к нему во время эвакуации жителей летом 1941 года в Ленинград. И там не все эвакуированные коммунаровцы выжили, но хотя бы были среди своих.

Первую послевоенную зиму пережили с трудом. Помогали люди, вернувшиеся раньше, и успевшие посадить огороды. А уже следующей осенью бабушка получила за работу два мешка ржи. Теперь уже мы могли помочь тому, кому жилось совсем голодно.

Из привезенных из Латвии солдатских портянок мама сшила нам платья, покрасила их. Вот в этих платьицах мы и ходили в школу на Коммунаре. Не просто нам было и в школе. Приходила гуманитарная помощь, а нам ничего не полагалось. Да и маме доставалась самая тяжёлая работа. Пережили мы и эту несправедливость.

Помню первую свою учительницу Анну Ивановну. А Александра Ивановна Палкина сильно ругала маму и бабушку за то, что мы ходим в церковь, а дома у нас висят иконы. Жили тяжело. Пришла похоронка на отца. Дали нам пенсию 315 рублей. 305 давали деньгами, а 10 рублей были хлебными. Так было и написано на карточке — хлебные.

Вера поступила в техникум, но ушла. Мама из старой шинели сшила ей пальто, а сокурсники над ней смеялись. Там учились дети, пережившие блокаду, но одеты они были хорошо. Перешла Верочка на вечернюю учёбу, а днём работала.

Старшая сестра Валя закончила топографический техникум. Поступила туда только потому, что там большая стипендия была, 360 рублей. С мужем они объездили все большие стройки Советского Союза.

Я тоже закончила сначала техникум, а затем и институт. И даже университет Марксизма-Ленинизма.

Бабушка и мама жили вместе со мной. Ушла бабушка в 1972 году, на 86 году жизни. Мама дождалась не только внуков, но и правнучек. Она всегда говорила, что несмотря на все муки и страдания, что ей пришлось испытать в жизни, она прожила счастливую жизнь. Умерла мама в 2000 году. Шёл ей 90 год.

С сёстрами обязательно встречаемся в День Победы, и в день освобождения нашего Антропшино. За столом вспоминаем свою жизнь. Не сдаёмся годам, радуемся жизни.

Помню ли захоронение с Гражданской войны на нашем кладбище? Конечно, помню. Ведь мы жили рядом. Хоронили убитых красноармейцев в белом нижнем белье, отпевал их батюшка. Была большая братская могила. Росли кусты акации. До войны сюда приходили школьники.

Вот, пожалуй, и всё. Много нашему поколению пришлось пережить. И возвращение на родную землю не принесло облегчения нам. Нас считали людьми второго сорта. Но мы никого не винили, война всех сделала несчастными».

Да, пожалуй, действительно всё. Здесь не нужно ничего добавлять. Нужно просто читать рассказ Лидии Александровны о жизни семьи Кучиных из деревни Антропшино. Семьи, на долю которой выпало столько горя и беды. Выжили люди, выстояли. И остались людьми.

Опубликовано в газете «Комм-инфо» № 15 (906) от 3 июня 2020 г.